

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В.С. Кузнецова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О царе Ироде и о лихорадках-трясавицах: фольклорные версии библейского сюжета в заговоре и легенде (русские сибирские записи)

По народным поверьям, болезни человека являются следствием вселения в него злых существ, злых духов, которые могли представляться как в зооморфном, так и в антропоморфном облике. К числу таких воззрений принадлежат народные представления о лихорадке как о демоне болезни в облике женщины [См.: Толстой, 1995, с. 244; Власова, 1995, с. 220-229; Новичкова, 1995, с. 343-352]¹. Из-за запрета произносить (чтобы не накликать болезнь) слово «лихорадка» в народе ее называли теткой, сестрицей, кумой, кумохой, добрухой, трясавицей. Лихорадки могли иметь разные имена, одни из них персонифицируют различные симптомы болезни (огня, тресея, хрипуша, пухлея, глухея, желтея, немея, знобуха, трясавица), этимология других не вполне ясна². Число вызывающих болезни дев-лихорадок, по поверьям, также могло быть различным – 7, 9, 12, 40, 77 и т.д.

При лечении лихорадки в народной медицине, наряду с другими средствами³, применялись заговоры. Заговоры от лихорадки с разной мерой полноты воспроизводят следующую сюжетную схему: один или несколько святых встречают «дев-лихорадок», спрашивают об их именах и цели пути, а затем заклинают и изгоняют трясавиц, избивая их железными палками; при этом перечисляются возможные имена лихорадок, без чего заклинательная формула не будет действенной. В качестве святых, способных изгнать лихорадок, в заговорах упоминаются разные имена, но наиболее прочно функции целителя от лихорадок заговорная традиция связывает с именем святого Сисиния⁴, и заговор от лихорадки известен также под названием Сисиниевой молитвы. Общерусские варианты заговоров от лихорадки читаются в составе классических собраний русских заговоров Л.Н. Майкова, П.С. Ефименко, Н. Виноградова. Пример текста Сисиниевой молитвы в сибирской записи:

От лихорадки. Повесть св. мученика Сисиния, его же память творим в марте месяце, в 9-м числе, от двух-надесять тресовиц, от которых его молитвами род человеческий избавиться имеет. «Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

¹ Сводки сведений о лихорадках см. также в работах: [Демич, 1894; Попов, 1903, с. 16-17; Торэн, 1935].

² Сводки имен дев-лихорадок и анализ их наименований см. в работах: [Даль, 1994, с. 258; Черепанова, 1977; Юдин, 1997, с. 235-261; Чистов, 1986; Ляцкий, 1893].

³ Сведения о средствах, применявшихся в народной медицине сибиряков при лечении лихорадки см., например, в работах: [Макаренко, 1897, с. 62, 66; Виноградов, 1915, с. 330-331].

⁴ Об образе святого Сисиния в русских заговорах см.: [Юдин, 1997, с. 109-110].

Аминь. Силою Креста Твоего, Христе, сохрани раба или рабу (имя) от всякого зла. Заклинаю вас, окаянных трясовиц, архистратигом Михаилом и святым мучеником, пророком и предтечею Иоанном Богословом, Матвеем, Лукою и Маркою – отойдите от раба Божия (имя). Заклинаю вас силою, Животворящаго креста Господня окаянных огневиц: Юдею, Огневицу, Пухлею, Хриплею, Желтею, Сухотею, Глухею, Голидею, Ломею, Кряхтею, Воркушу, Зубнею – отойдите от нас прочь». При этом следует взять крест животворящий, а буде нет его, с себя снять и положить в чистую воду и прыснуть нечаенно на больного и потом окатить; окачивать (больного) по трем зарям до восхода солнечнаго и перед закатом вечерним [Овчинников, 1908, с. 28; с пометой: «Из рукописи, купленной от букиниста на базаре»]¹.

Молитва могла сопровождать какие-либо действия в процессе лечения болезни, как оговорено в приведенном примере, или использоваться самостоятельно: чтобы защититься от болезни, «молитву носили», т.е. список оберегающей от лихорадки молитвы носили привязанным к нательному крестику, как свидетельствует приводимый ниже текст другой сибирской записи заговора от лихорадки:

Святой угодник Исай, епископ Ростовский, чудотворец, грядущий в мир, увидел огненный столб; из под этого столба идут семь дев простоволосых, видением зело страшных: 1-ая черная, 2-я красная, 3-я зеленая, 4-я водяная, 5-я желтая, 6-я озерная, 7-я аки лев рыкает на человеки. Вопросы святой Исай, епископ Ростовский:

– Что вы за девы?

Окаянницы отвеца:

– Мы дщери Ирода; мать наша Окукера учила нас мучить род православный.

Рече св. Исай ко святым архангелам Михаилу и Гавриилу:

– Возьмите вы, архангелы, железный прут и бейте сих проклятых девок и давайте им по 3000 раз и бейте на каждый день, час и минуту по чреву поганому и по хребту гнилому, чтобы они ничем не могли вредить роду православному.

И рече Исай:

– Прогоняю вас, Иродовых девок, от раба Божия [имя рек] четырьмя евангелистами – Лукой, Марком, Матвеем и Иваном, по сей молитве и словам; заклинаю и прогоняю вместо грома, вместо молнии, вместо честного животворящаго креста Господня.

Заговор этот пишется на бумажке, тщательно свертывается, завертывается тряпкой, зашивается и носится вместе с крестом, в качестве предохранительного средства от лихорадки [Овчинников, 1916б, с. 239; с пометой, что заговор сообщен собирателю секретарем Иркутских общеобразовательных курсов М.Н. Борисовым].

Подобные представления о лихорадках-трясавицах отразились в русской иконописи, в лубочной иконографии (см. [Гольшев, 1872; Успенский, 1906]). Так, по свидетельству Д. Успенского, «на иконах данного типа изображается святой Сисиний в молитвенном положении; перед ним ангел с копьем поражает трясавиц, которые низвергаются в яму... Трясавицы представляются в виде женщин, обнаженными, иногда с крыльями летучей мыши. Различный характер их обозначается цветами: одна белая, другая желтая, остальные – красная, синяя, зеленая и т. д. С Сисинием иногда изображается на иконах преподобный Марон-чудотворец или святая Фотиния» [Успенский, 1906, с. 7]. Подобное изображение трясавиц из молитвы о двенадцати трясавицах старопечатного издания начала XIX века помещено в Истории русской литературы Е.В. Аничкова, А.К. Бороздина и Д.Н. Овсяни-

¹ При воспроизведении текстов заговора в статье сохраняются все особенности источников.

ко-Куликовского [1908; раздел «Народная словесность», вклейка между страницами 40 и 41].

Сам заговор от лихорадки полагают книжным по происхождению, пришедшим на Русь с Востока через Византию. Его источник видят в византийской легенде о Гилло и святом Сисинии, который защищая детей своей сестры, вступил в борьбу со злой демонической Гилло, похищавшей младенцев, а также в апокрифе «Завещание Соломона» (см. [Мансветов, 1881; Миллер, 1896]). Средством, которое, согласно заключенным в легенде древним мифологическим представлениям Востока, помогает одолеть злого духа, является перечисление всех его 12 имен. Позднее, в сформировавшихся на основе византийской легенды славянских заговорах, 12 имен злого духа обратились в отдельных существ. Отмечается при этом, что только на славянской почве Сисиниев заговор «приноровлен специально к лихорадке», у других народов он имеет отношение к демону, вредящему роженицам [Познанский, 1912, с. 99]. Тексты молитв-заговоров от трясавиц, входившие в списки отреченных книг, начали проникать на Русь, как полагают, уже в X-XI веках вместе с христианской книжностью.

Отмечается, что заговор, будучи генетически тесно связан с мифом (это отчетливо проявляется в топике, сюжетике, наборе мифологических персонажей), способен также конструировать новые мифы, синтезируя элементы традиционной мифологии с элементами господствующей религии или фольклорной традиции, элементы своего и чужого¹.

В средневековой христианской традиции древние мифологические представления Сисиниевой легенды соединились с мотивами библейского сюжета о пляшущей Иродиаде, как часто неверно именуется владевшая искусством танца падчерица Ирода Антипы – Соломия. Иродиадой звали ее мать, жену Филиппа, брата Ирода, которую Ирод отнял у брата и взял в жены, за что был обличен Иоанном Крестителем. Ирод же заключил его в темницу за Иродиаду. В день рождения Ирода, во время пира, который он давал своим вельможам, дочь Иродиады своей пляской доставила такое удовольствие царю и гостям его, что Ирод предложил ей просить, чего она хочет, обещая отдать даже половину царства. По совету матери, Соломия потребовала у царя на блюде голову Иоанна Крестителя. Ирод, чтобы не показаться неверным своей клятве, послал в темницу оруженосца и он, усекнув главу Иоанна, подал на блюде девице, а та отдала ее своей матери (Мк. 6:17-28; Мф. 14:1-11). Известно, что средневековая церковь осуждала пляску как дело сатанинское; пляшущая на пиру у Ирода дочь Иродиады считалась орудием дьявола, с помощью которого он погубил Иоанна Предтечу, средневековые миниатюры изображают ее на пиру Ирода танцующей и кувьркающей подобно скоморохам. На этом фоне «лихорадка-трясавица, заставляющая человека дрожать и корчиться, была сближена, – как полагал А.Н. Веселовский, – с иступленной пляской Иродиады; она-то и посылает болезнь» [Веселовский, 1889, с. 325]. Причем эта появляющаяся в текстах заговоров связь образов лихорадок с дочерьми Иродовыми (падчерицами Ирода), губительницами Иоанна Предтечи, признается А.Н. Веселовским отличительной особенностью именно русских заговоров от лихорадки: «...под влиянием представления о дочерях Ирода, гонимых и скитающихся, получилось синкретическое русское заклинание, говорящее о трясавицах, Иродовых дочках, преследуемых каким-нибудь святым» [Там же].

Мотив лихорадок-трясавиц, дочерей Иродовых, мы видели в двух приведенных выше текстах заговоров от лихорадок русской сибирской записи, находим его и в других текстах:

Стану я, раба Божия (имя), благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в широкое раздолье. В чистом поле, в

¹ О связи заговора и мифа см.: [Топоров, 1987].

широком раздолье попадает мне навстречу святой Авраам. «Здравствуй, святой Авраамий, – поклонюсь я ему и покорюсь, – защити меня и помилуй, и сохрани от двенадцати иродовых дочерей, от двенадцати лихорадок». Попадает им навстречу святой Авраамей, она ему сказала: «Здравствуй, святой Авраамей». Он ответил им: «Вздравствуйте, иродовы дочери, куда пошли, проклятые?» – «Мы пошли мир губить, алой крови пить». – «Не ходите вы, проклятые, мир губить, али кровь не пейте, а то я вас всех побью, кости вам всем поломаю». Она испугались, пали на колени: «Святой Авраамей, не бей нас, не ломай и кровь нашу не проливай. Мы не будем ходить. И кто эту молитву знает, на сей день господень прочитает, к тому дому не подойдем и в дом не зайдем, и к дому не прикоснемся». Дуб, дуб, я тебя обнимаю, Ты, дуб, сохни, а ты, лихорадка, дохни пропадай. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Читать три раза, утром и вечером [Савельев, 1990, с. 9; без уточнения места записи].

Или:

Во имя Отца, и Сыны, и Святого Духа. Аминь. Шол св. Макарий во град Ерусалим Богу молиться. Перешел через Ирдань-реку, и встретились со святым 77 девиц простоволосых, в черных платьях, она же трясовицы и плямовицы. Тогда стал святой Макарий их спрашивать: «Что вы за девицы, трясовицы и плясовицы? Вижу Вас простоволосых. Откуда таковыя?» Она же стали святому говорить: «Мы посланы с небес на христианскую веру, кровь выбавлять из костей, из ногтей». Тогда св. Макарий оградил их крестом на месте том, а сам подошел во град Ерусалим Богу молиться. Она же стали на том месте святого дожидаться и стали одна на другой платье глотать. Когда св. Макарий возвратился из града Ерусалима чрез три года и мимо их обходил, они увидели святого, стали перебежать и говорить: «О, святой, святой Макарий! Отпусти нас с сено места, ибо мы на сем месте тут пропадем!» Тогда стал их св. Макарий с того места отпускать и каждой по 100 ударов железной палицей давать. Она же стали святому говорить: «Кто сию молитву будет читать, то мы того человека за 5 дорог будем обходить (обходите раба Божия – имя), а кто сию тетрадь будет носить, то того человека за 7 дворов будем обходить. (обходите раба Божия – имя)». Во веки веков. Аминь [Красноженова, 1908, с. 11, № 3; с пометой: «Этот заговор записан моим отцом в 1871 г.»]¹.

С морфологической стороны заговоры, по выводу Н.Ф. Познанского, делятся на две главные разновидности: заклинания злого духа священным именем, и заговоры, способные отливаться в эпическую форму, при этом Сисиниев заговор или Сисиниева легенда-оберег, как определил его исследователь, «по существу своему есть заговор, а по конструкции вполне совпадает с эпическими заговорами» [Познанский, 1912, с. 96]. Общее направление развития заговорных сюжетов представляется исследователю следующим образом: «Тема заговорного сюжета <...> обыкновенно дается обрядом. Первоначально к обряду прирастает краткая словесная формула, содержание которой совпадает с содержанием обряда. Затем эта формула начинает развиваться в эпическом направлении. Благодаря сосуществованию с магическим обрядом формула и сама заимствует от него магический авторитет, вступает в борьбу со своим родоначальником и как средство более легкое и удобное из борьбы выходит победителем. Обряд постепенно отмирает, а <...> за его счет развивается слово. Полного развития сюжет достигает, когда обряд совершенно отмирает, и вместе с тем для полета фантазии устраняются всякие гра-

¹ Сибирские варианты заговора от лихорадки разных лет и мест записи достаточно многочисленны (см. например: [Майков (Великорусские заклинания, 1997) №№ 113-117 (Приаргунский край Забайкальской обл.) и № 120, с пометой «записан в Южной Сибири»; Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры, 1997, №№ 637-648].

ницы. Сюжет на данную обрядом тему или, по крайней мере, действующие лица, подыскиваются в живом предании» [Там же, с. 96]. Таким «живым преданием» для Сисиниева заговора стало библейское повествование о Иродиаде, действующие лица и события которого, как мы видели в приведенных выше примерах, вплелись в эпическую часть заговора и с разной мерой полноты ею описываются.

«Так создавались мифы эпических заговоров, – продолжает Н. Ф. Познанский. – Они создавались затем, чтобы объяснить существование обряда, происхождение которого уже стало темно для народного сознания. Если миф создан для объяснения симпатического средства или магического обряда, то он очень легко обращается в заговор, а если для другого какого-нибудь явления, то получается простая легенда» [Там же, с. 106]. Такая легенда служила «просто удовлетворению любопытства», а не была магической формулой [Там же, с. 107].

Рассмотренные до сих пор тексты представляли ту ступень развития эпической части Сисиниева заговора, которая определяется как легенда-оберег, т.е. заговор с развернутой эпической частью, сохраняющий магическую силу. Она хорошо засвидетельствована фольклорными текстами как общерусской, так и сибирской записи.

Редкую возможность проследить другой этап в формировании «эпической части» Сисиниева заговора, о котором писал Н. Познанский, – этап формирования «простой легенды», служившей «просто удовлетворению любопытства», а не являющейся магической формулой, не имеющей магической силы, – дарят тексты двух легенд русской сибирской записи, связанные с сюжетом заговоров Сисиниева цикла.

Первый из текстов, о которых идет речь, был записан М. Овчинниковым в Киренске со слов рядового запаса армии Александра Тирского в августе 1914 г., и под названием «Сказание о 12 лихорадках» помещен собирателем в журнале «Сибирский архив» [Овчинников, 1916а, с. 191-192] (в общее оглавление номера опубликованный текст, заметим, не вынесен):

У царя Ирода был брат, моложе годами его. Брат был женат на самой красивой женщине, на такой красавице, каких трудно найти на свете. Но жена его была распутного поведения, так что распутство равнялось ей красоте. Но все же она родила дочь.

Вот нечаянно умер брат Ирода. Жена, значит, осталась вдовой. Сам Ирод давно зарился на невестку, но стыдился отбивать жену у своего брата. После же смерти брата ему стало повсвободнее, потому что невестка была на вдовьем положении, а потому Ирод захотел жениться на вдове и на дочери ее. Цари из нехристей все одно, что собаки, нашего христианского закона они не понимают. Вдова и дочь не прочь были выйти замуж за Ирода. Но они боялись Ивана Крестителя, который укорял их за безупутство. За это вдова и дочь крепко сердились на Ивана и подвели такую махину, что Ирод согласился посадить Ивана Крестителя в острог.

В день Рождества Христова у Ирода была пирушка. Народ был подвытвивши; бабы и девки ударились плясать. Вина всякого было много, потому что в этот день Ирод был именинник. Нехристи, видишь ли, пляшут хорошо. Но между всех баб и девок дочь вдовы, Иродова племянница, всех лучше плясала и так понравилась Ироду, что он в азарте сказал:

– Проси ты, моя любезная племянница, у меня чего хочешь; все тебе дам, даже полцарства не пожалею для тебя.

Слыша это, мать и говорит дочери:

– Проси, чтобы Ирод подарил тебе голову Ивана Крестителя и поднес на блюде.

Так дочь и сделала.

Опечалился Ирод, когда услышал просьбу племянницы, но не хотел изменить своему слову. И голова Ивана была принесена племяннице.

После этого Ирод женился сразу на вдове и дочери ея! От племянницы родилось 12 дочерей – 12 лихорадок, которыя и мучат народ православный до сего дня.

Это народное переложение евангельского сюжета о царе Ироде, Иродиаде и Иоанне Крестителе имеет самостоятельный интерес, связанный с тем обстоятельством, что должно быть отнесено к немногочисленной группе фольклорных легенд, которые воспроизводят библейскую *сюжеттику*. Гораздо чаще, как отмечается, Библия не является источником народной легенды: совпадают имена, географические названия, но не совпадают сюжеты Библии и народных рассказов (см.: [Пропп, 1998, с. 279-280]). Выявление данного текста вносит уточнение в сюжетный состав русских легенд Сибири – другие фиксации сюжета нам неизвестны. Особенная же примечательность текста определяется его связью с сюжетом известного заговора о 12 лихорадках-трясавицах, что заявлено не только в названии текста, (данном, очевидно, публикатором) но прежде всего в заключительной части легенды. Этот фрагмент указывает не только на то, что рассказчику сюжет Сисиниева заговора от лихорадок был хорошо известен, но и на то, с какой целью была рассказана им вся история – для объяснения сюжета и образов заговора, т.е. рассказ служил «просто удовлетворению любопытства». Это и позволяет в данном случае рассматривать текст воспроизводящей библейский сюжет об Ироде и Иродиаде легенды как пример развития эпической части Сисиниева заговора до вида «простой легенды», когда новый текст уже не имеет магического смысла и служит лишь объяснению заговорной формы.

Другой из текстов также представляет собой «простую легенду», связанную с сюжетом Сисиниева заговора от лихорадки. В отличие от первой легенды, приводимое ниже повествование, также записанное М. Овчинниковым, хотя и определяет лихорадку как Иродову дочь, не воспроизводит библейского сюжета об Иродиаде. Оно иначе объясняет происхождение лихорадок – то «живое предание», на основе которого заговор здесь конструирует новый миф, заимствовано из фольклорной традиции.

Когда-то очень давно путешествовали два апостола по земле, в качестве странников. Вот зашли они в один дом отдохнуть и поесть. Вошедши, как следует божьим людям, по своему смирению сели в избе на лавке у порога, понятно, сперва, помолвившись Богу и поздоровавшись по христианскому обычаю с хозяевами. У хозяина того было большое семейство. Садилось оно за стол обедать. Все мужики и бабы сели перекрестясь, помолвились, значит, Богу; только один молодой парень, словно нехристь, сел, как болван, даже и лба-то не перекрестил. Вдруг в избе явилась молодая, баская такая девушка и давай кружиться. Никто ее не видит, кроме апостолов. Вот она кружилась, кружилась и обернулась в муху, полетела, зажужжала и прямо села в ложку к тому молодому-то парню, что сел за стол не перекрестясь. Св. апостол встал с своего места, подошел к парню, вынул из ложки муху, завязал ее в тряпку и повесил в дымовую трубу. Муха давай святому апостолу конаться (канаться – значит проситься), чтобы он ее, значит, отпустил. Уж она коналась, коналась, святой апостол помиловал ее – выпустил. Муха сразу опять обернулась в девушку (12 Иродовых дочерей или лихорадок появляются около человека в виде мухи, комара, мошки, осы, овода), но только тощую, худую и бледную, будто после тяжелой болезни.

Тогда апостол открыл людям, что если бы человек схлебнул муху со щами, то сделался бы нездоров огневицей, лихорадкой, потому что муха была никто иной, как Иродова дочь, то есть огневица. Апостола звали преподобный Морой, а другого – мучеником Сесинием. Вот почему и молятся над больным Морюю и

Сесинию [Овчинников, 1908, с. 28-29, № 11; с пометой «Записано со слов крестьянки Маремьяны Соловьевой»].

В этом случае «живым преданием» для темы заговора, для заговорного мифотворчества послужила фольклорная основа, связанная в частности с народными представлениями об образе мухи как олицетворении человеческой души (см.: [Гура, 1997, с. 437-441]). Подобные представления отразились, например, во фразеологии, передающей внутренние состояния человека: *какая муха тебя укусила? – ‘быть не в себе, сердиться’*.

Очень важно, что со слов той же рассказчицы – крестьянки Маремьяны Соловьевой – был записан еще и заговор от лихорадки. Причем в тексте записанного от нее заговора в роли избавителей от лихорадок – святые Марон и Сисиний, как и в тексте легенды:

«Святой отче Марос и преподобный мученик Сесиний, спасите и сохраните от 12 сестер, от Иродовых дочерей. Я усердно к Вам прибегаю, к скорым помощникам и молитвенникам». Молитва эта читается над больным утром и вечером, и даже в полночь; причем следует класть несколько земных поклонов [Овчинников, 1908, с. 28, № 10].

Носительница заговорной традиции явилась одновременно и исполнительницей легенды, и, несомненно, смысловая связь между повествованиями заговора и легенды для рассказчицы была самой непосредственной. Так же, как в первом случае, заключительная часть легенды не оставляет сомнений в том, с какой целью она была рассказана – чтобы объяснить, «почему молятся Морюю и Сисинию», т.е. «объяснить существование обряда», смысл заговора. И в данном случае приведенный народный рассказ, связанный с темой заговора, не выполняет магической функции, а служит «просто удовлетворению любопытства», перед нами «простая» легенда.

Обе приведенные легенды, заметим, связаны с одним районом бытования, Иркутской губернией, что может быть расценено и как проявление местной традиции. Ответить на вопрос о статусе рассмотренных текстов помогло бы обнаружение записей подобных легенд из других мест.

Таким образом, обе приведенные легенды русской сибирской записи, связанные с сюжетом Сисиниева заговора от лихорадок-трясавиц, дочерей Ирода, помимо того, что уточняют сюжетный состав русских легенд Сибири, позволяют подтвердить догадку Н.Ф. Познанского (которая в его собственном исследовании так и не была проиллюстрирована) о возможностях развития заговорного сюжета и способности заговора конструировать новые мифы – легенды. Эти тексты дарят редкую возможность наблюдать пример заговорного мифотворчества, возможность тем более уникальную, что в общерусской традиции подобные записи нам не известны, и возможность тем более ценную, что аспект мифообразующих тенденций заговора до сих пор остается малоизученным [Топоров, 1987, с. 452].

Литература

Веселовский А.Н. Легенды об Ироде и Иродиаде и их народные отражения. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 5. Гл. 16. // Сборник ОРЯС. Т. 46. № 6. СПб., 1889. С. 305-329.

Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1997.

Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожильского населения Сибири // Живая старина. 1915. Вып. 4.

Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и приговоры. СПб., 1908-1909. Вып. 1-2.

Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995.

- Гольшев И. Мифологические изображения двенадцати лихорадок // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1872. Вып. 9. С. 36-40.
- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 2.
- Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа. СПб., 1894.
- Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1-2 // Известия ОЛЕАЭ. М., 1877-1878. Т. 30. Труды этнографического отделения. Кн. 5.
- История русской литературы / Е.В. Аничков, А.К. Бороздин, Д.Н. Овсяннико-Куликовский. М., 1908. Т. 1.
- Красноженова М. Материалы по народной медицине Енисейской губернии // Известия ВСОРГО. 1908. Т. 39. Иркутск, 1910. С. 10-23.
- Лечебные «наговоры» Приангарского края из собрания А.А. Савельева / Составитель В.Л. Кляус. М., 1990.
- Ляцкий Е.А. К вопросу о заговорах от трясавиц // Этнографическое обозрение. 1893. № 4. С. 121-136.
- Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губернии // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 57-100.
- Мансветов И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. М., 1881. Т. 9. Вып. 1. С. 24-36.
- Миллер В.Ф. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры // Русская мысль. 1896. № 7. С. 66-89.
- Овчинников М.П. Материалы для изучения народного знахарства и отреченной литературы в Иркутской губернии // Известия ВСОРГО. Т. 39. 1908. Иркутск, 1910. С. 24-35.
- Овчинников М. Сказание о 12 лихорадках // Сибирский архив. Минусинск. 1916а, № 3-4. С. 191-192.
- Овчинников М. Заговор от лихорадки // Сибирский архив. Минусинск. 1916б. № 5. С. 239.
- Познанский Н. Сисиниева легенда-оберег и сродные ей амулеты и заговоры // Отд. отт. из журнала «Живая старина». СПб, 1912 [год 21]. С. 95-116.
- Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.
- Пропп В.Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов В.Я. Проппа) / Сост., предисл. и комм. А.Н. Мартыновой. М., 1998.
- Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995.
- Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры. Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 13). Новосибирск, 1997.
- Т[олстой] Н. Лихорадки, трясавицы // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 244.
- Топоров В.Н. Заговоры и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987. С. 450-452.
- Торэн М.Д. Об образе лихорадки // Советская этнография. 1935. № 1. С. 107-113.
- Успенский Д. Народные верования в церковной живописи // Отд. отт. из журнала «Этнографическое обозрение». Кн. 68-69. М., 1906.
- Черепанова О.А. Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях // Язык жанров русского фольклора. Пет-

розаводск, 1977. С. 44-57.

Чистов К.В. Кумоха (этюд) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С.125-134.

Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском фольклоре. М., 1997.